

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XIII

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАССЕЙНА
ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

С. А. Маретина

ДЛИННЫЙ ДОМ ДАЯКОВ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

В традиционной культуре даяков — аборигенного населения индонезийского острова Калимантан (Борнео) — длинный дом является не только характернейшим, но и одним из наиболее универсальных элементов: при всем многообразии культуры даяков (а они представлены несколькими десятками племен¹, часто очень разных в этнографическом отношении) длинный дом встречается — или встречался в недавнем прошлом — едва ли не у всех оседлых даякских групп острова. Пожалуй, единственной группой даяков, не знавших длинного дома, являются бродячие пунаны, жилища которых представляют собой заслоны от ветра из пальмовых листьев, поддерживаемые подпорками в наклонном положении. Длинный дом у даяков не только элемент материальной культуры, но и институт, играющий заметную роль в социальной жизни народа. Для рассмотрения этого социального аспекта необходимо дать хотя бы самое общее представление о конструктивных особенностях традиционного жилища даяков.

Даякская деревня может включать от одного (у ибанов северного побережья) до семи-восьми (у большинства народов внутренних областей) длинных домов. Окруженные частоколом из заостренных бамбуковых стволов, приподнятые на сваях, с узкими лестницами, ведущими в жилые помещения, дома даяков зримо несут следы той настороженной боевой готовности, которая еще недавно была обычной в обстановке постоянных войн и усобиц. На востоке острова длинный дом обычно обозначают термином *ламин*, на западе — *бетанг* [см. 1, 25—26]. Классическим образцом длинного дома считается кайянский — «венеч первобытной архитектуры», как принято его называть. Это просторное сооружение обычно вытянуто вдоль реки и, случается, даже отчасти повторяет ее изгибы. Отдельные старые дома достигали в длину до ста двадцати метров, а одиночные образцы, теперь исчезнувшие, — до четырехсот. Обычный длинный дом вмещает несколько десятков семей, а в прошлом в исключительных случаях население такого дома могло достигать 500—600 человек [10, 50]. Однако эти грандиозные сооружения редко существуют дольше пятнадцати-двадцати лет из-за влажного климата и насекомых-вредителей. Частая смена мест поселения определяется еще рядом обстоятельств: быстрым истощением ближайших

¹ Назовем лишь несколько основных групп: кайяны и кенья в Центральном Калимантане, нгаджу и от-даномы в более южных, внутренних районах, так называемые «даяки суши» в западной и северо-западной части острова, ибаны, дусуны, муруты — на севере и северо-востоке. Подробнее см. [2а, 538—539].

земель в результате подсечно-огневого метода земледелия, плохими приметами или стихийными бедствиями, эпидемиями и т. д. Новый дом строят все его жители общими усилиями: общие части — коллективно, а затем каждая семья отстраивает свое помещение.

Конструктивно длинный дом кайянов представляет собой прямоугольную в плане свайную постройку. По всей длине дома проходят четыре ряда массивных столбов, которые служат опорой каркаса дома. Поперечные балки, поддерживающие продольные планки пола, приподняты над землей на высоту двух-трех метров, так что проникнуть в помещение можно лишь с помощью лестницы, которой служит наклонное бревно с зарубками. Сплошные стены дома делают из досок. Двускатная крыша, материалом для которой служит дранка или сплетенные пальмовые листья, идет по всей длине дома, однако единая линия конька иногда прерывается, так как над помещением вождя крыша нередко выше, чем над другими комнатами [14, 42]. Внутренний план кайянского дома очень четок. Пространство под полом между сваями отводится для скота. Продольная стена-перегородка делит все внутреннее пространство на две длинные неравные части. Более узкая, обычно выходящая на реку, — сплошная неразделенная крытая галерея. Вторая половина поперечными стенками разделена на отдельные, по числу семей, комнаты, каждая из которых дверью соединена с галереей. В каждой комнате имеются места для сна и очаг. Очень важной частью дома является галерея, на которой даяки проводят значительную часть времени; ночью здесь спят юноши. Внешняя ее стена часто не доходит до потолка, давая доступ воздуху и свету. На галерее имеется также ряд очагов, над которыми подвешиваются военные трофеи. Во всю длину галереи обычно пристраивают открытую веранду, которая тянется вдоль дома на уровне пола. Каждая семья распоряжается той частью галереи и веранды, которая находится напротив ее помещения [см. 10, 51—53].

Описанный тип длинного дома в основных чертах совпадает у большинства даяков, хотя, как правило, у других групп эти строения менее монументальны и примитивнее по конструкции. Основные отличия в планировке домов у отдельных народов касаются положения общей, неразделенной части дома: в одних случаях она может, как было описано, иметь вид галереи, в других — тянущегося по центру дома коридора, в который с двух сторон выходят семейные комнаты (у от-даномов [6, 560]), в третьих — открытого помоста на уровне пола или ниже его.

В последние годы все заметнее становится тенденция к рассредоточению такого дома, к замене его индивидуальными, семейными домами. Это связано с политическими и экономическими изменениями в условиях жизни, в результате которых не только постепенно исчезает тип жилища, но и меняются формы общественного уклада.

Лишь одиночные длинные дома сохранились у прибрежных меланау, все меньше становится их и у дусунов северного побережья, где эти дома тем не менее остаются ритуальными центрами, куда все отселившиеся собираются для совершения религиозных церемоний [см. 7, 93—96]. Все чаще становятся случаи, когда от коллектива длинного дома отпочковываются отдельные семьи, которые селятся в индивидуальных домах рядом с длинным, продолжая поддерживать связь с последним. Таким образом, в некоторых деревнях наряду с двумя-тремя длинными домами имеется ряд небольших хижин. Иногда такое отделение связано с развитием торговли: обзаведясь лавкой, ее владелец или часть его семьи переселяются в нее [12, 205]. У некоторых групп процесс распада длинного дома был форсирован теми или иными внешними обстоя-

тельствами. Например, часть западных даяков из Саравака была вынуждена под натиском прибрежных пиратов покинуть старые дома и отступить вверх по рекам в горы, где в силу особенностей рельефа возникли дома меньших размеров (на четыре-пять семей), а чаще — индивидуальные хижины [12, 51]. Интересно, что в тех редких случаях, когда эти племена возвращались на прежние места поселений, они снова строили дома длинного типа.

Этот факт лишний раз свидетельствует, что причиной продолжающегося и прогрессирующего распада длинного дома являются социальные сдвиги. Действительно, этот тип жилищ настолько ограничен для даяков, что в отдельных случаях они продолжают сохранять его даже тогда, когда, казалось бы, он наименее удобен с хозяйственной точки зрения. Так, система земледелия у даяков, как уже было отмечено, требует регулярной смены мест поселения. Длинный дом — сооружение слишком громоздкое, чтобы перемещать его вслед за полем. Поэтому на удаленных рощистях даяки обычно строят временные жилища, где живут в горячую пору сельскохозяйственных работ. Наибольшее развитие эта система временных полевых жилищ получила у ибанов. Обитатели основного дома делятся у них на ряд групп по принципу соседства полей, и каждая такая группа строит свой полевой дом — дампа, строит по образцу основного дома — тоже длинный, но рассчитанный на меньшее число семей и отличающийся более легкой конструкцией [см. 8, 33—35]. По мере переноски полей возникает целая серия таких дампа, жители которых тесно связаны с основным длинным домом, в котором постоянно остается часть их семей.

Таков длинный дом как тип жилища. Но особый интерес для нас имеют его функции как социального института. Каково место длинного дома, обнимающего целый коллектив населяющих его людей, в общей социальной структуре даяков? Каково соотношение его с другими общественными институтами калимантанских аборигенов, на чем основываются соединяющие его членов связи? Все эти вопросы вызывают тем больший интерес, что у исследователей зачастую встречаются очень противоречивые высказывания о природе длинного дома как коллектива, и проблема остается, таким образом, открытой для дальнейших дискуссий.

Заклоченный в общие стены, под единой сплошной крышей, длинный дом сразу воспринимается как единый коллектив. Издавна в специальной литературе длинный дом фигурирует под названием «дома племени» или «родового» («stamhuis» или «geslachthuis» у старых голландских авторов) [см. 13; 16]. О том, насколько неоправданны временами эти определения, говорит тот факт, что отдельные авторы пользуются обоими терминами для характеристики одного и того же дома, не учитывая принципиальных отличий этих понятий². Ставшее привычным определение длинного дома как родового нередко механически, без достаточной аргументации переносится и на страницы советских изданий [см. 1, 28; 2, 406].

Если говорить об определении «дом племени», то опровержение его не требует многочисленных аргументов. Сейчас на Калимантане нет ни одного племени, которое можно было бы разместить не только в одном длинном доме, но даже в поселении, состоящем из ряда таких домов. Можно в лучшем случае говорить о части племени, населяющей длинный дом, но с тем же правом это относится и к населению любого ин-

---

² Такая путаница наблюдается, как правило, у всех тех авторов, которые специально не занимаются социальными проблемами.

дивидуального дома — это ведь тоже какая-то, хоть и очень небольшая часть племени. Поэтому данное определение в настоящее время явно непригодно и не может являться предметом обсуждения.

Более сложным представляется вопрос о родовом характере длинного дома. Правда, можно сразу сделать одно бесспорное замечание: так как длинный дом как общественный коллектив состоит из семей, следует говорить не о роде в обычном понимании, т. е. генеалогическом коллективе, а о родовой общине, состоящей из связанных единством происхождения семей. Поскольку вопрос о социальной природе даякского дома, как и связанная с ним проблема даякской общины, очень сложен и материалы по нему часто противоречивы и неполны, мы начнем рассмотрение социального значения длинного дома с приведения основных свидетельств исследователей даяков.

Основополагающими трудами по этнографии даяков являются работы Дж. Маллинкродта [13] и Хоуза и Мак Доугалла [10]. Без учета огромного материала, который приводят эти авторы, нельзя приступать к решению основных проблем даякского общества. Однако сложность заключается в том, что в этих трудах отсутствует конкретный социально-экономический анализ ситуации и поэтому отдельные положения авторов не всегда вытекают из их же материала. К тому же длинный дом как социальный институт не являлся специальным предметом их рассмотрения. Так, Маллинкродт, характеризуя даякское общество в целом, наиболее отличительным его признаком считает наличие генеалогических связей в отличие от общества малайского, основанного на связях территориальных [13, 105]. Именно он постоянно употребляет оба термина — «*stamhuis*» и «*geslachthuis*». Однако по контексту работы едва ли следует переводить их буквально «племенной» и «родовой» дома, как это у нас принято. Об этом свидетельствуют дальнейшие замечания самого Маллинкродта. С ростом поселений, пишет он, с их дроблением на место «*stamhuis*» приходит «*geslachthuis*». Совершенно очевидно, это нельзя понимать как смену племенной общности родовой, что, по существу, лишено смысла. Далее он проводит знак равенства между «*geslacht*» и «*onderstam*» (частью, подразделением племени), и, таким образом, «*geslacht*» у Маллинкродта оказывается не родом, а единицей дробления племенной организации [см. 13, 114]. Если проследить весь текст исследования этого автора, то оказывается, что у него понятия «*stam*» и «*geslacht*» отражают последовательные этапы разложения традиционной организации даяков. Тогда определение длинного дома как «*geslachthuis*» подразумевает, что население длинного дома составляет не род, а общину, основанную на генеалогическом ядре. Закономерность такого понимания социальной структуры длинного дома подтверждается и тем, что автор роды определяет как домовые общины, которые в совокупности составляют даякскую общину [13, 117] (т. е., видимо, общину деревенскую). Таким образом, по Маллинкродту, можно представлять себе длинный дом как домовую общину, состоящую из ряда связанных между собой по происхождению семей: он предлагает рассматривать членов одного дома как близких родственников, для которых обитатели другого длинного дома той же деревни являются более далекой родней [13, 112]. Одновременно в работе подчеркивается, что родовой состав жителей длинных домов в результате переселений, экономического развития, смены религии все в большей степени нарушается и в характерной для даяков территориально-генеалогической общности все больше начинает преобладать территориальная сторона; главным становится не род, а деревня [13, 117, 120]. При этом интересно, что, когда Маллинкродт говорит о конкретной роли длинного дома как

коллектива, он связывает с ней исключительно защитные функции (как только исчезают войны — исчезают и большие дома [13, 115]), а также ритуал.

Итак, согласно Маллинкродту, длинный дом — домовая община с распадающимися внутренними генеалогическими связями. Характер этих связей, их линейность не уточнены. Длинный дом у Маллинкродта представляет собой единый коллектив, который является частью более крупного — деревни.

О внутреннем единстве членов длинного дома говорится и в книге Хоуза и Мак Доугалла: обитателей такого дома, по их словам, объединяют не только общее проживание и общие работы, родство и общий вождь, но и духовная связь, обряды, вера в приметы и т. д. [10, 84—85]. Членов длинного дома, писали они, сплачивает коллективная ответственность, подчинение всех решениям главы дома. Из поколения в поколение передается чувство общности, история предков и т. д. Все это относится в первую очередь к народам внутреннего Калимантана (кайянам, кенья), которые находятся в центре внимания исследователей. О том, что у этих народов длинный дом можно рассматривать как некое социальное целое, говорят и приводимые ими факты, свидетельствующие, что в пределах длинного дома в ряде случаев начинают образовываться своего рода сословные, предклассовые группы: аристократия — родственники вождя, среднее сословие (основная масса населения) и рабы (теперь их потомки) [см. 10, 68—70; 17, 90]. Среди среднего сословия происходит постепенное выделение группы ремесленников, обслуживающих свой дом. Таким образом, в длинном доме, как в обычной соседской общине, идут — или намечаются — процессы социального расщепления.

В работе Хоуза и Мак Доугалла с большей четкостью, чем у Маллинкродта, определен характер связей в пределах коллектива длинного дома: категорически заявлено о том, что у кайянов и их соседей нет какого-либо рода экзогамных или эндогамных групп [10, 73]; брак может заключаться как внутри, так и вне стен длинного дома. Это положение подтверждается всем богатым фактическим материалом книги: хотя специально вопросы родовой структуры, как и другие чисто социальные проблемы, в работе не поднимаются, однако уже отсутствие упоминания каких-либо генеалогических коллективов при подробном описании различных сторон жизни даяков говорит само за себя.

Чтобы закончить разговор о внутреннем Калимантане, остановимся еще на свидетельстве крупнейшего знатока даякской обрядности, в частности их погребальных обычаев, — Штёра [17]. В отличие от Хоуза и Мак Доугалла, Штёр отмечает у некоторых народов Калимантана наличие «родов». Так, он говорит со ссылкой на Маллинкродта (напомним, что понятие рода у последнего не всегда совпадает с нашим) о 24 родах группы сиунг (южная часть внутреннего Калимантана) [17, 62—63]. Что же это за роды? Каждый из них, считает Штёр, состоит из семей, у которых имеется общий предок, т. е. здесь опять-таки идет речь о родовой общине. Каждый род имеет свой родовой центр, где хранятся останки умерших сородичей. Но это не экзогамный коллектив; по словам Штёра, из хозяйственных соображений браки заключаются предпочтительно в его пределах [17, 62—63]. Соотношение такого «рода» и длинного дома Штёр не поясняет.

Когда речь заходит о структуре и принципах организации коллектива длинного дома, невольно приходится выходить за непосредственные рамки этого вопроса, ибо он теснейшим образом связан с проблемой родовой организации даяков в целом — темой большой и очень слож-

ной. Если попытаться суммировать основные высказывания исследователей внутреннего Калимантана (задача, очень затрудняемая тем, что специально длинный дом ни у кого не служит предметом исследования), то следует сказать, что длинный дом представляется им единым и достаточно сплоченным коллективом, семьи которого находятся в родственных отношениях. Однако говорить об упорядоченных генеалогических однолинейных коллективах как внутри длинного дома, так и вообще у даяков по рассмотренным материалам не представляется возможным. По этим данным скорее всего можно говорить об аналогиях длинного дома и общины, общины соседской (ибо отсутствуют четкие родовые связи), где идет процесс не только распада генеалогических (скорее всего родственных) отношений, но и социального расслоения. Такой дом может быть либо отдельной общиной, либо — во внутреннем Калимантане чаще — частью общины, которая объединяет несколько таких домов. Гетерогенный характер даякской общины сейчас очевиден; что касается прошлого, то, к сожалению, мы не располагаем достаточно достоверными данными, которые позволили бы восстановить конкретную эволюцию и природу отношений, связывавших как обитателей отдельного длинного дома, так и даяков в целом.

Социальную сущность длинного дома у даяков Северного Калимантана легче рассматривать, ибо по ряду групп этого района (ибанам, «даякам суши», дусунам) имеются конкретные социально-экономические исследования, сделанные на высоком научном уровне. Таковы в первую очередь исследования Фримэна [8], Геддеса [9] и Эппела [3; 4; 5]³. В их работах многое из того, что для народов Центрального Калимантана приходится выводить из самых общих и косвенных свидетельств, является предметом специального рассмотрения. Вопросы собственности, характер связей внутри длинного дома, линейность и локальность брака — весь этот чисто социальный материал тем более представляет для нас интерес, что полностью отсутствует по другим регионам острова.

Как у большинства даяков, длинный дом у народов Северного Калимантана состоит из ряда семей, малых по типу, но каждая из которых как локальный коллектив может включать и обычно включает отдельных родственников, обычно одиноких, как по мужской, так и по женской линии. При этом все исследователи особенно подчеркивают полную хозяйственную самостоятельность каждой семьи, которая связана со своими соседями по длинному дому не более, чем в любой территориальной общине. По словам Геддеса, длинный дом следует рассматривать не как общественное здание, но как серию соединенных вместе жилищ, где каждая семья отвечает за постройку своего помещения и части общей веранды напротив него [9, 34—35]. Это повторяет Фримэн, который проводит параллель между даякским длинным домом и улицей, состоящей из отдельных домов [8, 1—3]. Он же, отмечая «бесклассовый и уравнилельский» характер общества ибанов, называет их «большими индивидуалистами» [8, VI—VII]. Таким образом, длинный дом здесь выступает не как единый хозяйственный коллектив, а как конгломерат независимых семейных хозяйственных ячеек, не связанных какой-либо общей собственностью или общими экономическими мероприятиями. Экономические взаимоотношения даяков и место в них длинного дома мы рассмотрим на примере отношения их к основному средству производства — земле.

---

³ Приношу глубокую благодарность профессору Лейденского университета П. Э. де Йосселину де Йонгу за любезно присланные материалы Д. Н. Эппела.

Прежде всего напомним, что даякский длинный дом может один представлять собой целую деревню и может быть лишь одним из нескольких, входящих в ее состав. У ибанов, как правило, имеет место первый случай. Это необходимо иметь в виду, ибо даякская деревня в социальном плане составляет общину, и, таким образом, у ибанов каждый длинный дом является такой общиной, в то время как у других народов побережья он лишь входит в ее состав. Отсюда следует, как мы увидим ниже, принципиально различное положение длинного дома — общины у ибанов и длинного дома — части общины у других народов.

Итак, о земле. Она у даяков считается принадлежащей общине (у ибанов тем самым длинному дому), но лишь постольку, поскольку все ее члены защищают ее от посягательств других. Любая семья, независимо от своих родственных связей, локальности брака и т. д., имеет право на землю уже только потому, что проживает в данном доме (ибаны) или в одном из домов (остальные племена побережья). Расчищают землю совместно, большим массивом, включающим сразу несколько будущих семейных наделов (иначе не справиться с буйной растительностью Калимантана), но как только участок расчищен, он становится частным владением, на которое хозяин, его семья и потомки имеют право, так же как и на вторичный лес на нем, до тех пор пока они остаются членами своего длинного дома (или общины) [см. 8, 11—20, 21—26]. При разделе семьи (а дети, подрастая и вступая в брак, образуют новые семьи; больших семей у даяков побережья нет) все ее члены, независимо от пола, сохраняют права на землю. Вступая в брак, человек приобретает земельные права и в группе свойственников. Уходя в другой дом или в другую общину, он теряет право на землю в старом доме и приобретает в новом [4, 285]. В общем, получается, что каждый человек является совладельцем в целом ряде родственных групп, которые для каждого — свои, иные, чем для его отца или матери. Так, каждый имеет формальное право на землю, расчищенную его дедами по матери и по отцу, но в каждом случае круг его совладельцев будет различным; вступая в брак, он получает определенные права на землю своей жены. При перемене места жительства он теряет часть прав, но зато приобретает новые. В результате для любого хозяйства находящийся в его пользовании земельный надел ежегодно складывается из нескольких участков: наследственного (или наследственных), расчищенного в этом году, прошлого года, полученного по браку и т. д. При этом в силу особенностей метода земледелия происходит постоянная смена участков, передающаяся по наследству земля неизбежно парцеллируется, хотя реально далеко не все наследники (а наследование у даяков билинейное) пользуются своими правами. Часто они предпочитают расчищать и обрабатывать новые участки, исходя из практических удобств [см. 9, 59—61]. Потомки того, кто первый расчистил землю, пользуются ею в определенной последовательности, причем «заявку» на землю можно давать заранее, пока земля еще находится в состоянии отдыха. При возникновении споров между родственниками, что бывает крайне редко, предпочтение отдается тому, кто дольше не пользовался данным участком. Ни община, ни длинный дом не имеют отношения к распределению земельных участков или даже к контролю за ними. Индивидуальное землевладение у даяков не превратилось в институт собственности лишь благодаря специфике их системы земледелия, которая приводит к постоянной смене участков. Таким образом, длинный дом можно считать собственником (достаточно формальным) земли только там, где он представляет всю общину. В тех же случаях, где община состоит из

несколько таких домов, он никакой правовой роли не играет. Реальным же владельцем в любом случае выступает семья.

Если говорить о других видах хозяйственных контактов даяков, то необходимо упомянуть взаимопомощь, без которой в природных условиях Калимантана невозможно в срок, предоставленный природой, справиться со многими сельскохозяйственными работами. Взаимопомощь даяков в своей основе имеет определенно выраженный соседский принцип: группы формируются из числа жителей длинного дома без учета генеалогических связей, хотя среди прочих критериев (близость земельных участков, соседство в доме и т. д.) присутствуют также родственные и дружеские связи. При этом интересно, что, как отмечают исследователи, взаимопомощь у ибанов и «даяков суши» приняла настолько упорядоченный характер, что ее можно назвать коммерческой: здесь мы видим систему трудообмена, при которой каждая полученная услуга требует обязательной адекватной компенсации [см. 8, 80—84; 9, 70—73]. Работа на поле однообщинника кратковременна, каждый работает понемногу на многих полях, тем самым обеспечивая и себе многочисленных помощников. Здесь взаимопомощь носит характер коммерческой сделки, и это вместе с правом распоряжаться наделом, попадающим в руки даяка, вместе с полной хозяйственной самостоятельностью каждой семьи позволяет исследователям видеть в ибанах и их соседях скорее «примитивных капиталистов», чем коллективистов [см. 9, 90—93].

Итак, если судить по рассматриваемым материалам, длинный дом у народов Северного Калимантана никак нельзя считать единым социально-экономическим целым, ибо он представляет собой конгломерат хозяйственно независимых отдельных семей. Аналогии длинного дома с соседской общиной справедливы для ибанов, где длинный дом воплощает всю общину. У остальных же народов длинный дом является не более чем частью общины и не представляет собой самостоятельно организованного коллектива, пусть в пределах этой общины. В отличие от народов Центрального Калимантана здесь в длинном доме отсутствует вождь, нет и других форм управления его обитателями. Живущие в нем не связаны определенными правами и обязанностями (все они осуществляются в пределах общины и семьи). Это отчетливо подтверждено Эппелом на примере дусунов и рунгусов. Он выделяет у них в качестве основных общностей семью, длинный дом и деревню и подчеркивает, что, в то время как семья и деревня (община) являются корпоративными группировками, функции которых распространяются на экономическую, ритуальную и юридическую сферы, длинный дом таковой не является; единственное, что объединяет его жителей, — это некоторые моменты ритуала [4, 281], хотя основной ячейкой и в этой сфере остается семья. И Эппел, и Геддес категорически заявляют, что главной социально-экономической единицей следует считать общину (низовую — семью) и раздел ее на ряд длинных домов не имеет никакого социального значения [4, 281; 9, 9]. Длинный дом лишь часть целого, а не самостоятельное целое. Исключение можно встретить лишь там, где сам длинный дом и является общиной, т. е. у ибанов, как это уже было указано выше.

Теперь другой, не менее важный вопрос, связанный с социальной структурой длинного дома. Речь идет о характере связей, существующих между населяющими длинный дом семьями, о родственной или родовой природе этих связей. В рассмотренных выше материалах по Центральному Калимантану эта проблема практически обойдена. Тем интереснее обратиться к ней на основании последних исследований народов северной части этого острова.

Итак, если ставить вопрос прямо: является ли длинный дом в своей основе родовым коллективом? Можно ли проследить в нем (и вообще у даяков) те генеалогические линии, которые характерны для большинства народов, стоящих на аналогичном уровне развития, те связи, которые обычно сохраняются и в общине, соседской по природе? Мнения исследователей (Фримэна, Геддеса, Эппела) по этому поводу совпадают и не оставляют почвы для сомнений: у даяков Северного Калимантана отсутствует однолинейная система родства, не обнаружены какие-либо генеалогические коллективы — будь то крупные типа линиджей (локализованная в деревне часть рода) или мелкие типа больших семей [см. 3, 193; 8, 2—6; 13—14]. У даяков отсутствует счет происхождения от одного основоположника, нет идущих вглубь генеалогических связей; человек не может рассчитывать ни на какую социальную группировку, которая стояла бы между семьей и общиной и была бы шире первой и уже последней [9, 48—49]. Положение человека не определяется узлами генеалогического родства, которые в других обществах сразу по рождению обеспечивают ему определенное место в системе родовых отношений. «У ибанов нет ничего похожего на однолинейные, экзогамные генеалогические группы типа клана», — прямо заявляет Фримэн [8,8]. Это положение находит свое отражение и в характере брачных запретов: из брачного круга исключаются лишь ближайшие кровные родственники как по материнской, так и по отцовской линиям [9, 12]. Брак является амбилокальным, основным критерием для определения локальности в каждом конкретном случае являются не традиционные правила родового поселения, отсутствующие у даяков, а комплекс чисто личных соображений, варьирующих от случая к случаю. Для ибанов, например, количество матри- и патрилокальных браков (или их вариантов) примерно одинаково. При этом следует иметь в виду, что вопрос локальности часто лишен смысла, ибо брак может быть заключен и в пределах одного длинного дома и молодая семья, таким образом, остается в одних стенах (хотя и в отдельном помещении) с родственниками по обоим линиям [9, 12]. Среди рунгусов преобладают уксорилокальные браки, которые исследователи этой группы объясняют соображениями удобства: дочь, оставаясь в одном доме с матерью, постоянно, особенно в первые годы, прибегает к ней за помощью и советом (а потом, в зависимости от отношений с родственниками мужа, семья может переселиться в другой дом) [4, 292].

Отсутствие родовых коллективов проявляется также в легкости и свободе перемещения из дома в дом и из деревни в деревню (для этого требуется лишь согласие главы деревни или — у ибанов — длинного дома). По Эппелу, средняя продолжительность жизни в одном доме — немного более трех лет [4, 292]. При каждом переселении меняются социальные связи человека — родственные, соседские и дружеские, могут преобладать любые из них.

Отсутствие генеалогических связей сочетается у даяков с сильно развитыми родственными отношениями. Каждый человек входит в родственную группу, которую исследователи обычно определяют как группу когнатов [15, 76], имея под последними в виду кровных родственников по обоим линиям — как по отцовской, так и по материнской. Это, как правило, билатеральная группа, не уходящая своими корнями в глубь поколений и включающая братьев и сестер тех и других родителей и их детей. В отличие от обществ с однолинейным счетом родства у каждого даяка есть своя индивидуальная родственная группа, отличная от родственного круга любого другого лица, даже его ближайшего кровного родственника (хотя часть этого круга может совпадать).

О том, что подобная билатеральность, на фактах установленная у народов северного побережья, свойственна и для более широкого круга даяков, свидетельствует следующее высказывание Э. Лича: «система родства у мурутов относится, подобно системе всех народов Борнео, к билатеральному (когнатному) типу» [11, 73; цит. по 5, 11].

Родственные (но не родовые!) связи играют значительную роль в жизни длинного дома, население которого обычно находится в тесных отношениях родства (напомним приведенное выше высказывание Маллинкродта: члены своего дома — наиболее близкие родственники, члены другого — более далекие). Больше того, как правило, все семьи, населяющие длинный дом, находятся в родстве друг с другом через одного или нескольких своих членов. Это билатеральное, когнатное родство — основа отношений даяков, на нем в значительной степени базируются и связи между семьями длинного дома, оно играет важную роль и в организации хозяйственной деятельности (например, это один из критериев при создании групп взаимопомощи). К родственным связям следует добавить еще отношения свойства, которые также получили значительное развитие в даякском обществе [15, 77]. Причем все эти отношения родства и свойства выходят и за пределы длинного дома, образуя сплошную сеть перекрещивающихся родственных и свойственных связей, пронизывающих все даякское общество [см. 15, 77, 85]. В результате при всей внешней неупорядоченности этих связей создается достаточно уравновешенная социальная структура, одним — хотя и не самостоятельным — элементом которой и является длинный дом.

В то же время необходимо еще раз подчеркнуть, что родственные отношения отнюдь не являются основным критерием членства в длинном доме и сам этот дом не является родственной группировкой, а лишь собранием родственных семей. Это, в частности, явствует из определения социальной структуры длинного дома, данного Эппелом, «основную черту» ее видевшего в «сложной паутине социальных связей, которые охватывают отдельные семьи длинного дома и основываются на отношениях родства, проживании в длинном доме и потребности во взаимопомощи» [4, 282].

Кратко подытоживая все сказанное выше о длинном доме как социальном институте, прежде всего следует сказать о различии уровней развития народов внутреннего и прибрежного Калимантана. Первые более консервативны, в то время как вторые в большей степени связаны с внешним миром и к настоящему времени достигли такого уровня экономического развития, при котором хозяйственная независимость отдельных семей достаточно велика. Иными словами, имеются основания говорить об идущем у даяков Северного Калимантана разложении даже соседской общины. Эти отличия определяют и некоторую разницу в характеристике длинного дома у тех и других групп даяков. В центральных районах длинный дом, хотя и входит в состав общины и подчиняется ей, тем не менее и сам представляет собой определенный коллектив, который имеет своего главу и члены которого имеют определенные общие права и обязанности. Это своего рода автономная часть общины. На северном побережье длинный дом также представляет собой часть соседской общины, но общины, которая дальше ушла в своем развитии и в которой начала коллективизма оказались в значительной степени утраченными. Так что здесь длинный дом представляет собой самостоятельную общность лишь там, где можно поставить знак равенства между этим домом и общиной, т. е. в основном у ибанов. У тех же народов, где длинный дом является лишь частью общины, он не является самостоятельным общественным коллективом, а представляет

собой лишь скопление живущих под общей крышей, но в большой степени независимых билатеральных семейных единиц. Что касается истории этой проблемы, к сожалению, недостаток материалов не позволяет делать ретроспективных заключений и заставляет ограничиться констатацией современного нам положения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Симония Н. А. Остров большой реки, М., 1962.
2. Даяки,— БСЭ, т. 13, М., 1952, стр. 406.
- 2а. Даяки Калимантана,— «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966, стр. 538—550.
3. Appell G. N. Observational Procedures for Identifying Kindreds: Social Isolates among the Rungus of Borneo,— SWJA, 1967, vol. 23, № 2, стр. 192—207.
4. Appell G. N. Residence and Ties of Kinship in a Cognatic Society: the Rungus Dusun of Sabah, Malaysia,— SWJA, 1966, vol. 22, № 3, стр. 280—301.
5. Appell G. N. A Survey of the Social and Medical Anthropology of Sabah: Retrospects and Prospect,— «Behavior Science Notes», 1968, vol. 3, № 1, стр. 1—54.
6. Encyclopaedie van Nederlandsch Indië, vol. I, s-Gravenhage — Leiden, 1917.
7. Evans I. Among Primitive Peoples in Borneo, L., 1932.
8. Freeman J. D. Iban Agriculture. A Report on the Shifting Cultivation by the Iban of Sarawak, London, 1955.
9. Geddes W. R. The Land Dayaks of Sarawak, London, 1954.
10. Hose Ch. and McDougall W. The Pagan Tribes of Borneo, vol. I, London, 1912.
11. Leach E. R. Social Science Research in Sarawak,— «Colonial Research Studies», London, 1950.
12. MacDonald M. Borneo People, London, 1958.
13. Mallinckrodt M. Het adatrecht van Borneo, Leiden, 1928.
14. Miller C. Black Borneo, London, 1946.
15. Murdock G. P. (ed.) Social Structure in South-East Asia, New York, 1960.
16. Nieuwenhuis A. W. In Central Borneo, Leiden, 1900.
17. Stöhr W. Das Totenritual der Dajak, Köln, 1959.